

Глава 1

Сломанный механизм

Дождь не прекращался несколько дней. Дорогу по щиколотку затопило коричневой жижей. Вода была повсюду. Конь Роупера споткнулся и упал на колени. Роупер с трудом удержался в седле.

— Поднимайся, — сказал Кинортас. — Ты обязан быть в два раза сильнее, если хочешь чего-то добиться от своих легионеров.

Роупер спешился, помог коню встать, затем забрался в седло обратно. Легионеры ничего не заметили. Они маршировали вслед за ними под дождем, опустив головы.

— На что повлияет дождь? — спросил Кинортас.

— Он сократит время битвы, — предположил Роупер. — Боевые порядки легче взламываются, и воины умирают быстрее, если земля скользит под их ногами.

— Верное замечание, — согласился Кинортас. — Кроме того, под дождем воины бьются не так неистово. Дождь благоприятствует сатрианцам, но легионы куда более опытные, а значит, вполне способны утвердить свое преимущество даже в таких условиях.

Роупер жадно впитывал его слова.

— Нам придется менять план сражения, лорд?

— У нас нет никакого плана сражения, — ответил Кинортас, — потому что мы не знаем, с чем столкнемся. Разведчики докладывают, что сатрианцы нашли сильную позицию для обороны, следовательно, теперь нам известно, в каком

месте мы будем атаковать. Это все, что у нас есть. Тем не менее, — продолжил он, — легионы следует использовать очень аккуратно. На их совершенствование понадобились сотни лет. И поскольку сатрианцы не побежали, они рассчитывают уничтожить нас в одной-единственной битве. Но не забывай самого главного: легионы заменить будет нечем. Береги их, Роупер.

За спиной Кинортаса маршировали почти девяносто тысяч солдат — практически вся военная мощь Черной Страны. Боевые колонны, выстроенные под бесчисленными знаменами, растянулись по дороге на много миль так, что начало их скрывалось где-то за горизонтом. Несмотря на то что мокрые стяги висели безжизненно и вяло, даже сейчас легионы маршировали в ногу, заставляя потоки текущей воды пульсировать волнами. За девятнадцать лет своей жизни Роупер еще ни разу не видел столь многочисленного призыва. Собрать все легионы сразу никто не любил, поскольку в случае поражения это закончилось бы катастрофой. Как правильно сказал Кинортас, легионы заменить будет нечем. Страх потерять легионы был общим для всего их народа.

Но в этот раз выбор у них отсутствовал. Враги собрали громадную армию, которая грозила полностью опрокинуть баланс сил Альбиона. Войска, состоящие из сакских и франкских солдат, а также наемников из Самнии и Иберии, были столь огромны, что никто не мог сказать точно, сколько всего воинов собрали под своими знаменами их враги. Известно было только то, что они намного превосходили по численности легионы Кинортаса.

— Почему бы нам не поступить так же, как сатрианцы, лорд? — спросил Роупер. — Объединить всех наших людей под единым флагом?

Кинортас не поддержал идею.

— Ты можешь представить, чтобы какой-нибудь правитель передал свои войска другому? Ты можешь представить, чтобы дюжина правителей одновременно уступила их кому-то одному? — Он покачал головой с сомнением. — Возможно, только один человек из миллиона смог бы объединить

всех анакимов. Возможно. Но точно не я. И уж точно я не готов передать легионы заграничному суверену.

Роупер не мог представить себе лорда более великого, чем Кинортас. Непоколебимый перед лицом опасности и твердый в своей вере и убеждениях. Всегда прямой и суровый, хранивший строгость на пока еще не отмеченном шрамами лице. Среди своих воинов он пользовался авторитетом, а враги ненавидели и уважали его в равной степени. Он умел правильно оценивать союзников, устрашать врагов и читать поле битвы, как поэму. Роста он был высокого, но в этом отношении Роупер почти уже с ним сравнился. Они оба представляли сильный Дом, в котором Роупер являлся многообещающим наследником Кинортаса, а два его младших брата оставались гарантией продолжения рода.

Следуя во главе могучей боевой колонны, Черный Лорд и его сын въехали на вершину холма, за которым расстилалась широкая затопленная пойма. На той стороне подернутого рябью водного разлива почти в милю шириной можно было увидеть необъятной длины вал. Несмотря на то что кое-где цепь из естественных скалистых холмов и возведенных наспех древних укреплений прерывалась, в целом она растянулась от горизонта до горизонта. Северный фланг вала был прикрыт огромным лесом, и именно здесь собралась великая орда южан. Тысячи солдат выстроились вдоль возвышенности. Десятки тысяч — под защитой неровных и скользких от дождя склонов. Знамена их висели так же вяло, как знамена легионов, но Роупер сумел разглядеть алербарддщиков, лучников, мечников и еще каких-то воинов в посеревших от ненастья доспехах, которые, скорее всего, были тяжелой пехотой. На южном фланге вала угрожающе расположилась огромная масса кавалерии.

Это была первая битва Роупера. Он никогда еще не видел ничего подобного. Ему, разумеется, доводилось слышать грохот битвы издали — звук был такой, словно море билось об окованный железом берег. Он видел отступление невероятно усталых солдат — покрытых грязью и потрепанных. Бодрых и энергичных среди них к тому времени почти не оставалось. Он видел, как лечат раны, наблюдал за тем, как

хирурги трепанируют черепа лежащих без сознания людей или извлекают из предплечий стальные обломки сломанных мечей. Отец часто разговаривал о войне со своим наследником — чаще, чем на какие-либо другие темы. Роупер всему учился у него и готовился к этому с шести лет. Вся жизнь до настоящего дня была посвящена подготовке к этой священной битве, и все равно — он оказался не вполне готов к тому, что увидел.

Как следует рассмотрев врагов, Черный Лорд и его наследник пришпорили коней и отъехали в сторону от марширующей колонны. Кинортас щелкнул пальцами, подождав к себе посыльного.

— Разверни армию в боевой порядок, как можно ближе к воде.

Кинортас быстро, на одном дыхании, распределил легионы по местам, с учетом того, что, по-видимому, вся вражеская кавалерия собралась справа.

— Отсечем их от Домов Орисов и Альба, которые займут левый фланг.

— Слишком много приказов, лорд, — заметил посыльный.

— Перепоручи.

Посыльный подчинился.

— Уворен!

Ехавший верхом командир отделился от колонны и поскакал к Кинортасу.

— Милорд?

Волосы, собранные в длинный хвост и пропущенные сквозь отверстие в задней части шлема, выдавали в нем воина Священной Гвардии. В правую плечевую пластину было инкрустировано серебряное око, глаза гвардейца прикрывал шлем, и, даже остановившись перед своим лордом, он не мог удержаться от лукавой ухмылки.

— Ты знаешь Уворена, Роупер. — Кинортас представил гвардейца сыну.

Конечно, Роупер слышал про Уворена. В Черной Стране не было ни одного мальчика, который бы о нем не знал. Капитан Священной Гвардии... Да любой честолюбивый

воин мечтал оказаться на его месте! Назначение на такую должность являлось самым убедительным подтверждением военных способностей. За спиной Уворена висел его знаменитый боевой молот Костолом. Поговаривали, что свой великолепный шипастый Костолом Уворен сковал из мечей четырех сатрианских графов, каждого из которых поймал лично. А при осаде Ланденкистера — величайшего поселения Альбиона, расположенного далеко на юге, — когда казалось, что надежды больше нет, именно его Костолом очистил первый опорный плацдарм на стене. В битве при Ойфервике огромный Костолом плоской своей стороной сломал спину коню короля Оффа, а затем снес королевскую голову вместе с позолоченным шлемом, словно тухлое яйцо.

Да, Роупер слышал про Уворена. Во время игр в горном интернате далеко на севере Роупер всякий раз выступал в роли Уворена Могучего. Короткая палка, которой он орудовал, всегда символизировала не меч, а молот.

А теперь он молча кивнул капитану, а тот широко улыбнулся ему в ответ.

Конечно, он знает!

— Капитан Священной Гвардии — образец скромности, — саркастически заметил Кинортас. — Присоединяйся к обсуждению, Уворен. Роупер последует за нами.

— Вам понравится, юный лорд, — сказал Уворен, пустив своего коня шагом рядом с конем Роупера и взяв того за плечо. Все, что мог Роупер в этот момент — это только смотреть на гвардейца широко распахнутыми глазами. — Ваш отец умеет общаться с врагами. Обещаю — будет весело.

Они спустились к пойме в сопровождении еще одного гвардейца, державшего в руках белый флаг.

— Неси флаг так, будто для тебя это привычно, Грей, — сказал ему Уворен.

Грей без улыбки посмотрел на капитана, и Уворен расхохотался.

— Расслабься, Грей. И учись понимать шутки.

Роупер взглянул на Кинортаса. Он силился понять, что все это значит, но Черный Лорд не обращал на гвардейцев внимания.

С брызгами они въехали в разлившуюся воду. Глубина здесь была небольшой — примерно по колено коню. По ту сторону поймы с вала спустилась группа всадников, отделилась от армии сатрианцев и поехала им навстречу. На взгляд Роупера, у тех было значительное преимущество в силе. Он, отец, Уворен и Грей — всего их было четверо. В то время как с другой стороны к ним приближались аж тридцать всадников. Отряд возглавляли трое лордов без шлемов, за ними скакали две дюжины рыцарей в блестящих пластинчатых доспехах, с опущенными забралами, на покрытых вышитыми попонами лошадях.

— Это будет твоя первая битва, маленький лорд? — спросил Уворен Роупера.

— Первая, — подтвердил Роупер.

Его никак нельзя было назвать маленьким: ростом он уже был выше многих, но в устах такого могучего воина, как Уворен, определение прозвучало естественно.

— Будет ни на что не похоже. Но только в такой момент понимаешь, для чего ты создан.

— Вам понравился ваш первый раз?

Обычно он не лез за словом в карман, но теперь, обращаясь к Уворену, почему-то стал заикаться.

— О да, — ответил капитан, улыбнувшись. — Это было еще до того, как я стал легионером, но уже тогда я сумел поймать своего первого графа! Побить сатрианцев будет совсем не сложно, ты только взгляни на них!

Они уже почти подъехали к группе всадников.

Роупер впервые созерцал сатрианцев вблизи, и поначалу вид их его потряс: они были как он, только гораздо мельче. Роупер, Грей, Уворен и Кинортас были высокими даже для анакимов — не менее семи футов¹ роста каждый, — и, сидя на лошадях, возвышались над своими врагами словно башни. Оппоненты же выглядели так, будто были уменьшенными копиями людей. Силы уже перестали казаться неравными.

Роуперу стало любопытно, он подъехал поближе и обнаружил еще больше отличий. В мягких и тонких чертах

¹ 2,13 м (прим. пер.).

сатрианских лиц было что-то детское. Выразительные глаза настолько ясно демонстрировали все эмоции и особенности характера, что это вызывало даже симпатию. В сравнении с ними непроницаемый лик Кинортаса был словно вырезан из дуба. Эти сатрианские лица напомнили Роуперу что-то домашнее, наподобие собак... Что-то совсем далекое от дикости.

Кинортас поднял руку в приветствии.

— Кто из вас командует?

Несмотря на то что Кинортас неплохо говорил по-саксонски, вопрос он задал на языке анакимов. Рыцари слегка затрепетали, услышав наречие Черной Страны.

— Я командую, — ответил человек в центре, немного коверкая слова того же языка. Он подъехал вплотную к Кинортасу, пытаясь сделать вид, что его совершенно не смущает рост анакима. — А ты, должно быть, Черный Лорд?

Лицо всадника, красное от заметного пристрастия к выпивке, украшала темная борода, а голову — грива выющихся волос. Пластинчатые доспехи, которые он носил, сияли так ярко, что Роупер мог видеть собственное отражение в нагруднике. Всадник горделиво выпрямился в седле.

— Я — Уиллем, граф Ланденкистерский, и я возглавляю эту армию. — Он кивнул влево. — Это — лорд Цедрик Нортвикский, а это... — Он кивнул вправо. — Белламус.

— Каков твой титул, Белламус? — спросил Кинортас.

Уиллем Ланденкистерский ответил за него.

— Белламус — выскочка, не имеющий титула. Тем не менее он командует нашим правым крылом.

Незнакомые ему анакимские слова граф Уиллем замечал саксонскими, не сомневаясь, что Кинортас поймет его и так.

Кинортаса, казалось, заинтриговало сказанное графом, и Белламус поднял руку в знак приветствия. Он был хорош собой, этот выскочка, и выглядел состоятельно. Темные выющиеся волосы на висках были тронуты сединой. Он, единственный из присутствующих сатрианцев, носил не пластинчатые доспехи, а короткую куртку из толстой простроченной кожи, а также золотые украшения на шею

и запястьях. Высокие сапоги его были высочайшего качества и такими новыми, что наверняка натерли ноги. Под куртку он надел роскошную алую тунику, а в качестве попоны на лошадь была наброшена медвежья шкура. На левой руке отсутствовали два крайних пальца. На фоне лордов в аскетичных доспехах выскочка заметно выделялся.

Черный Лорд перевел взгляд обратно на графа Уиллема.

— Вы вторглись в наши земли, — объявил Кинортас жестко. — Вы пересекли Абус, который годами очерчивал мирную границу. Вы зачинщики войны, грабители и насильники.

Кинортас тронул коня и придвинулся к графу Уиллему вплотную, нависнув над ним. Огромная разница в росте не оставляла графу никаких шансов.

— Уходите немедленно, — произнес Кинортас непреклонно и сурово, — и без грабежей, иначе я спущу на вас Черные Легионы. Если вы вынудите меня задействовать солдат, пощады не ждите. — Он бросил взгляд на вал, поверх голов сатрианских полководцев. — Между прочим, если вы привели такую армию сюда, то вряд ли оставили хоть кого-то для обороны ваших собственных земель. Вы нарушили мир, а это значит, что как только ваша армия будет уничтожена, я тут же пойду к Ланденкистеру и разорю его дотла... — Он подался всем корпусом вперед. — С особой жестокостью.

Уворен громко рассмеялся.

— Конечно, мы могли бы отойти, — ответил граф Уиллем, не отступивший ни на шаг отседающего на него Кинортаса, — но нам и здесь достаточно уютно. Мы неплохо снабжены припасами, у нас сильная позиция. И единственная причина, по которой ты предлагаешь нам отступить, состоит в том, что ты не хочешь терять своих солдат. Они слишком ценны для тебя, и восстановить легионы будет не просто. Ты не хочешь атаковать нас.

Слегка кося, граф Уиллем пристально смотрел в глаза Кинортасу. Тот молча ждал предложения, которое обязательно должно было последовать.

— Золото, — наконец тихо произнес граф. — За жизни твоих легионеров. Тридцать ящиков золота за потраченное нами время и кроме того — та скудная добыча, которую мы уже выбили из твоих земель на востоке.

Кинортас ничего не ответил. Он просто смотрел на графа Уиллема, не отрывая взгляда. Пауза затягивалась.

Роупер внимательно наблюдал. Тридцать ящиков... такое предложение было абсолютно невыполнимым. Процветание Черной Страны никогда не держалось на золоте. Оно держалось на более твердых металлах, которые сатрианцы обрабатывать не умели. Тридцать ящиков золота взять было неоткуда, и граф Уиллем прекрасно об этом знал. Даже если они обшарят все — от жалких лачуг до самого величественного замка. Требуя такую дань, граф явно провоцировал конфликт, хоть и не без осторожности.

Роуперу стало совершенно ясно: на самом деле граф не хочет, чтобы с его предложением соглашались, но делает вид, что это не так. У сатрианцев был какой-то план, и они уже решили заранее, чем закончатся переговоры. Роупер понял, что граф Уиллем пытается спровоцировать Кинортаса на опрометчивую атаку. На атаку, в ходе которой легионеры будут уничтожены, если попытаются взять штурмом покрытый скользкой грязью вал.

И кого? Самого Кинортаса! Воина мудрее, опытнее и закаленнее в битвах, чем Кинортас, было не сыскать, о чем граф Уиллем, видимо, не догадывался. Глупые невежественные сатрианцы!

— Мы не копим у себя столь бесполезный металл, — произнес наконец Кинортас. — У нас нет тридцати ящиков золота для удовлетворения вашей жадной слабости к бессильным мягким вещам. Но даже если бы они были, они бы вам не достались.

Внезапно Кинортас наклонился вперед, перегнулся через седло, скрипнув кожаной сбруей, и взялся рукой за верх нагрудника графа Уиллема. Лицо графа покраснело еще больше, он отчаянно подал коня назад, пытаясь отодвинуться от Кинортаса, но Черный Лорд держал его крепко. Сатрианец запаниковал, он почувствовал прикосновение руки

Кинортаса к своей коже, и на лице его отобразился ужас. От могучей хватки Кинортаса металл смялся со скрежетом, сияющий нагрудник оторвался, и граф Уиллем отскочил назад, словно дощечка, отколовшаяся от вербы. Под доспехом графа обнаружилась кожаная подкладка, насквозь мокрая от пота. Пренебрежительно фыркнув, Кинортас отбросил нагрудник в сторону. Все случилось так быстро, что рыцари, охранявшие графа Уиллема, не успели ничего предпринять, и только смотрели теперь потрясенно. Граф Уиллем дрожал так, будто его ударило молнией.

— Никудашный металл, — произнес Кинортас, усевшись в седле ровно. — А под ним немощный мешок с костями. Ты не сможешь побить мои легионы. Они взрежут твою оборону, как нож ветчину.

Кинортас мрачно улыбнулся графу Уиллему, и тот непроизвольно прикрыл рукой уязвимую грудь, словно опасаясь насилия. Выскочка Белламус смотрел на своего командующего глазами, полными иронии. Очевидно, эти двое не были между собой дружны.

— Даю последний шанс, граф Уиллем, — продолжил Кинортас. — Уходи, или я спускаю легионы.

— Да будет так. Выводи своих чертовых драгоценных солдат! — прокричал граф Уиллем голосом, дрожащим от гнева. — Узри же бесславленную гибель в гряди!

Сильно натянув поводья, он заставил коня попятиться, словно был больше не в силах выносить присутствие Кинортаса. Не стронувшись с места, Черный Лорд наблюдал, как колонна поехала прочь. Остался один Белламус, по-прежнему не спускавший с него глаз. Коротышка первым нарушил молчание.

— Я уверен, что тебе, одаренному кость-панцирем, не знакомо то чувство, которое испытал граф Уиллем, когда ты так презрительно сдирал с него защиту. Но обещаю: до того как закончится битва, я заставлю тебя почувствовать то же самое.

Его анакимский был безупречен. Если б не рост, то можно было даже подумать, что он из Хиндранна. Спокойно договорив свои слова, Белламус кивнул четырем анакимам,

щелкнул языком, подав команду лошади, развернулся и не спеша поехал к валу, вскинув в знак прощания руку.

— Переговоры всегда заканчиваются вот так? — спросил Роупер.

Они возвращались к своим войскам, все еще собирающимся в пойме.

— Всегда, — подтвердил Кинортас. — Переговоры существуют не для того, чтобы договариваться. Они нужны для устрашения.

Уворен фыркнул.

— Это только твой отец, Роупер, относится к переговорам, как к способу устрашения, — заметил он. — Все остальные искренне считают, что так можно избежать битвы.

Уворен и Грей расхохотались.

— Они не собирались с нами договариваться, — сказал вдруг Роупер.

Кинортас бросил быстрый взгляд в его сторону:

— Почему так думаешь?

— То, как он делал свое предложение... Он же прекрасно знал, что для нас оно невыполнимо. Просто хотел спровоцировать на атаку.

Кинортас глубоко задумался:

— Возможно... Но в таком случае это было самонадеянно.

Роупер ничего не ответил. Выступить против Черных Легионов — разве само по себе не самонадеянно? Но для такой самоуверенности должны быть какие-то основания. И какой-то план... Роупер не знал, что на уме у сатрианцев. Возможно, они уверены в себе благодаря численности. Возможно, они просто самоуверенная раса. Роупер не знал, что думать, поэтому продолжил хранить молчание...

— ...Держись рядом, — сказал Роуперу Кинортас. — Наблюдай за тем, что я делаю. Когда-нибудь ответственность за легионы ляжет на тебя.

Черные Легионы медленно наступали по залитой пойме. Правый фланг, при поддержке почти всей кавалерии, прикрывал Собственный Легион Рамнея — элитные солдаты Черной Страны, чей военный авторитет уступал только

Священной Гвардии. Левое крыло замкнул Чернокаменный Легион — закаленные в битвах ветераны, известные своей свирепостью. Многие даже считали, что Черные Камни куда более эффективно взламывают вражеский строй, чем Легион Рамнея. Впрочем, большинство из этих «многих» сами служили в Чернокаменном.

Командующие легионами легаты выехали из строя и остановились впереди своих подразделений, представ перед воинами. Затем подняли руки, и к ним подъехало по паре легионеров. Легионеры облачили командиров в переливающиеся плащи, сшитые из светло-коричневых орлиных перьев, и застегнули на их плечах. Просторные плащи, покрывшие не только самих легатов, но и их лошадей, сверкнули искрами и замерцали, как только те опустили руки. Облаченные в эти священные одеяния, они проехали вдоль фронта каждый своего легиона, держа перед собой ветвь остролиста с закрепленным на конце глазом. Глаз, внимательно разглядывавший строй легионеров, оценивал их мужество в свете предстоящей битвы и сулил благословение достойнейшим.

Пустив коней рысью, Роупер и Кинортас выехали за атакующую линию. Целая толпа посыльных следовала за ними. Кинортас разослал их во всех направлениях с приказом легатам держаться стойко, не нарушать строя и смотреть в оба. Черный Лорд был таким невозмутимым, таким спокойным! Его абсолютная уверенность в себе и вера в легионы расходились от него, как круги по воде от его лошади. Роупер смотрел на отца, изо всех сил стараясь впитать в себя его силу и характер.

И даже когда они достигли тени вала, даже когда стрелы стали плюхаться вокруг них в воду и отскакивать от брони посыльных, Черный Лорд не проявлял ни тени беспокойства.

Сатрианцы, стоявшие на возвышении, монотонно скандировали. Мечи били о щиты, алебарды ударяли друг о друга, воины шумели и выкрикивали оскорбления. Для них анакимы были дьяволами. Демонами. Уродами, чудовищами и губителями.

Они приводили себя в неистовство под бой барабанов и кричали, чтобы унять этот мерзкий, выворачивающий все нутро страх, порождаемый наступающими на них гигантами.

— Смерть им! — заорал какой-то лорд.

— Смерть, смерть, смерть! — проревели его воины.

— Убить! — требовал лорд.

— Убить, убить, убить! — лаяли воины.

— Кричите на них! — бушевал лорд. — Это убийцы из Черной Страны! Кричите на них!

Воины закричали.

— Это падшие ангелы, рухнувшие с небес! Господь требует изгнать демонов с наших земель! Исполните же долг перед Господом!

Стук щитов и пик стал ритмичнее, сатрианцы затопали ногами в такт. Бой могучих барабанов окреп настолько, что по воде, через которую наступали анакимы, покатались волны.

У анакимов были собственные барабаны, но они не вели себя как их враги. Каждый легион отбивал свой ритм. Позади боевых порядков шли барабанщики и, выбивая дробь, гнали воинов вперед. В этом звуке не было сатрианской звериной дикости — одна лишь механическая четкость ритмичной звуковой волны.

Над стройными шеренгами анакимов реял лес из тысяч флагов. Среди них были огромные льняные квадраты, как у сатрианцев, но помимо них — еще и шелковые гобелены со сценами древних битв в строгих анакимских тонах, каждый из которых держали над собой сразу шесть знаменосцев. Рядом возвышались огромные глаза, сплетенные из покрытых листьями ветвей падуба, ивы и ясеня, или огромные растянутые медвежьи шкуры, или шесты с висящими на них рваными волчьими шкурами, трепещущими на ветру. Возле легатов реяли и струились гигантские льняные полотнища с пришитыми к ним орлиными перьями. Но если дело дойдет до того, что даже знаменосцам придется вступать в бой, то все эти знамена, кроме последних, будут брошены на землю.

Наступая, легионеры не кричали. И не потрясали оружием подобно сатрианцам. Они просто пели. Мрачные боевые гимны зловеще гудели, разносясь над боевыми порядками. Нестройный звук постепенно нарастал. Громкость его и сила становились все более мощными. Не привыкшие к такому сатрианцы заволновались. Суровые песнопения необычайно гармонировали с окружающим их диким пейзажем. Пение несло по залитой пойме, отражаясь от серого клокочущего неба и шелестящего колышущегося леса на флангах. Ветер становился все сильнее, как будто на сатрианцев со всех сторон наступали незримые союзники анакимов, откликнувшись на сверхъестественные звуки. Это земля анакимов. Это их Черная Страна, каждый дюйм бесплодной суровой земли которой пугал сатрианцев так же, как эти песни.

На правом фланге сатрианцев Кинортас разглядел выскочку Белламуса, выехавшего перед строем своих людей и что-то им кричавшего. От звуков его голоса люди приосанивались и поднимали оружие повыше.

«Однажды, — взял себе на заметку Кинортас, — я столкнусь с армией, командовать которой будет он».

Но не успел он додумать свою мысль, как правый фланг сатрианцев разрушился. Возможно, Белламус слишком взвинтил своих командиров, и они потеряли контроль. Возможно, он не так хорошо разбирался в военном искусстве, как могло показаться на первый взгляд, и потому решил на неоправданную авантюру перед лицом непоколебимого врага. Как бы то ни было, но сатрианцы хлынули вниз с вала, съезжая по скользкому от жидкой грязи склону, с явным намерением атаковать Чернокаменный Легион. Безумная попытка! Они сами сломали свой строй и потеряли то единственное преимущество, которое у них еще оставалось — защитный вал. Тысячи солдат побежали вперед, яростно крича что-то про анакимскую кровь.

Кинортас даже не ожидал, что будет так легко. В открытом бою дезорганизованную толпу сатрианцев перемолоть будет несложно.

— Чернокаменный — вперед!

Трубач, стоявший позади, издал три пронзительные ноты, означавшие приказ Черным Камням перейти к атаке. Те не стали медлить ни секунды.

Однажды, лет десять тому назад, Кинортасу показали механические часы. Посол с южных земель, удерживаемых анакимами, добился аудиенции, во время которой предложил альянс, в котором их страна исполнила бы роль наковальни для молота Черной Страны. Речь шла о центрально-эребосских территориях сатрианцев. В рамках этого альянса они должны были заключить тайное торговое соглашение — выгодное, как утверждал посол, для обеих сторон. Для убедительности он привез в Черную Страну образцы товаров, которые могли бы наводнить ее рынки: великолепный корпус судна из темного дерева — по словам посла, у них строили лучшие во всем мире корабли; невесомые тюки с гагачьим пухом; винно-алый хрусталь, представлявший огромную ценность для Черной Страны, поскольку из него можно было извлечь редкий металл. А еще механические часы — Кинортас увидел их впервые в жизни. В Черной Стране продолжительность часа менялась ежедневно в течение года и оценивалась по взаимному движению солнца и луны. Если требовалось отмерить более короткий период, то использовались часы водяные. В механическом хранителе времени нужды никогда не возникало, и Кинортаса даже заворожил сей загадочный предмет.

Под внешним скелетом кипела жизнь. Это была наполовину машина, наполовину живой организм. Роль сердца исполняла маленькая пружинка. Идеально напряженная, она приводила в движение крохотные, сцепленные зубчиками рабочие колеса. Вместе они работали безупречно. Часы непрерывно тикали и щелкали, двенадцать раз в день издавая колокольный звон, обозначающий конец часа. Безусловно, пользы от таких часов нет никакой, лишь бестолковая трата ценной стали, но Кинортас был уверен, что за подобными механизмами — будущее. Однажды благодаря этому искусству создадут корабль, который будет управляться сам собой, или машину для сбора урожая, которая сможет выкосить целое поле, если дать ей ход...